

Императорский календарь, 779 год, 10 декабря. Зал собраний Совета старейшин разразился аплодисментами, когда в него вошли главнокомандующий Центральной армии — Стерлинг и глава школы — Цзычуань Шэнь Син. Все встали и приветствовали их прибытие. Буря аплодисментов длилась несколько минут, затем последовали волны ликования: «Браво нашему непобедимому генералу!»

«Да здравствует Стерлинг!» Тысячи взглядов были прикованы к одному человеку. Все выступили вперед, чтобы пожать ему руку, неважно, знали ли они его или нет.

Спикер Совета Сяо Пин произнес: «Сэр Стерлинг, пожалуйста, поднимитесь на трибуну! Чтобы каждый смог вас видеть! Каждый хочет услышать от вас речь!»

От такого теплого приема Стерлингу стало не по себе. Он пришел сюда вместе с главой школы, но в итоге стал центром внимания, в то время как глава школы остался в тени. Как себя чувствует Цзычуань Шэнь Син? К тому же здесь были еще два офицера более высокого ранга — Верховный главнокомандующий — Ло Мин Хай и генеральный инспектор — Ди Лин. Было бы невежливо, если бы он обратился к совету раньше них.

Кажется, Цзычуань Шэнь Син уловил, что беспокоит Стерлинга. Он улыбнулся ему: «Идите. Это не только для вас. Вы здесь представляете сотни тысяч солдат, сражающихся на Дальневосточном фронте. Вы делаете это для них. Вы должны гордиться этим».

Увидев, как все нетерпеливо ждут, смотря в его сторону и крича: «Поднимайся! Стерлинг!» он согласился. Чуть смутившись, он извинился перед Цзычуань Шэнь Сином: «Сэр, извините за мои манеры».

Цзычуань Шэнь Син с улыбкой похлопал его по плечу, ободряя.

Стерлинг поднялся на трибуну, и в Зале собраний раздались раскаты аплодисментов. Стерлинг скромно опустил голову. Когда аплодисменты немного стихли, он сделал знак рукой, намекая, что собирается говорить. Тут же аплодисменты стихли, оставив только четкий голос Стерлинга, эхом раздающийся в Большом зале: «Я очень признателен за приглашение в Совет старейшин. Спасибо всем за предоставленную мне возможность!» (Еще одна волна аплодисментов)

«Только что я получил невероятно теплый прием от Совета. Еще раз должен поблагодарить всех. Я действительно польщен. Однако Совет слишком высоко меня ценит. Я всего лишь солдат. Я не заслуживаю такой чести. Если я что-то и сделал, то только благодаря бесконечной мудрости главы школы — Цзычуань Шэнь Сина, стратегиям Верховного главнокомандующего — Ло Мин Хая и жертвам храбрых солдат, сражающихся на передовой. А я просто не совершил никаких заметных ошибок. Я не достоин такой похвалы».

«Небо над Домом Цзычуань все еще окутано плащом тьмы. Какой выбор мы сделаем? Война или мир? Жить или умереть? Все зависит от решений, которые вы примете здесь. Будущее Дома Цзычуань в ваших руках!» Поэтому чрезвычайно важно, чтобы мы работали вместе и принимали правильные решения для Цзычуань и для миллионов людей, которые нас поддерживают, доверяя нам!

«Что касается меня, я могу только сказать, что армия всегда будет верна Дому! Так было всегда, так есть сейчас и так будет всегда! Я обещаю вам, что мы будем готовы выполнить ваш следующий приказ! Независимо от того, что в итоге решит Совет, будь то война или мир, мы непременно его выполним! Наша армия навсегда останется самым верным клинком в руках Цзычуань. Мы всегда будем готовы защищать Дом в трудные времена и проливать кровь наших врагов на поле битвы!»

.....

Короткая речь Стерлинга закончилась, но аплодисменты и возгласы продолжались еще долго.

Стерлинг хотел было сойти вниз, но аплодисменты удержали его, заставив остаться и отдать дань уважения публике. Он был скромным, но и гордым: разве может быть для солдата более славный момент, чем этот?

Пока все страстно ликовали, Ло Мин Хай безразлично наблюдал со стороны. Стерлинг кивнул ему в знак уважения. Ло Мин Хай сделал ответный кивок с такой скованностью в шее, словно он свернул ее этим утром. Стерлинг слегка усмехнулся, понимая, что Ло Мин Хай, вероятно, не слишком доволен всем этим. Затем он снова перевел взгляд и увидел генерального инспектора – Ди Лина.

.....

Ди Лин улыбнулся ему в ответ и поднял большой палец в знак одобрения. Ди Лин был искренне рад за Стерлинга. Не только потому, что Стерлинг был его хорошим другом, но и потому, что успех Стерлинга заставит Ло Мин Хая страдать. В душе он думал: из трех генералов, которые в настоящее время командуют большой армией, он уже шантажировал Фан Цзиня, чтобы тот встал на его сторону. Теперь, с возвышением Стерлинга, на стороне Ло Мин Хая остался только Мин Хуэй, к тому же Мин Хуэй был известен как ненадежный трус. Конечно, учитывая мягкий характер Стерлинга, он не хотел активно участвовать в его политической борьбе против Ло Мин Хая, но самое меньшее Стерлинг сохранял нейтралитет. Если ситуация обострится в будущем и Стерлинга вынудят сделать выбор, Ди Лин был уверен, что он выберет его.

Кто бы мог подумать, что он каким-то образом получил преимущество в армии?

В голову пришла мысль: почему бы мне не помочь Стерлингу занять пост верховного главнокомандующего у Ло Мин Хая? Это не невозможно. У Стерлинга есть репутация, достижения, которые это подтверждают, и поддержка армии, совета и народа. У него даже есть расположение директора... Если он добьется успеха, я нанесу Ло Мин Хаю смертельный удар.

Его внезапно что-то отвлекло. Он усмехнулся, подумав: "Итак, Стерлинг тоже овладел

искусством политической речи! Это была такая красноречивая и страстная речь, но на самом деле он не сказал ничего существенного. Призывал ли он к войне или к миру? Ему удалось полностью обойти этот вопрос, не обидев ни одну из сторон. Когда он стал таким искусным? Кто его научил?"

.....

Настала ночь, и сегодняшнее собрание подошло к концу. Стерлинг и Ди Лин поспешно покинули зал, чувствуя облегчение.

Попросив своих сопровождающих уйти, дуэт неторопливо шел бок о бок по осенним улицам Ди Ду.

Стерлинг выдохнул: "Ну, наконец-то!"

Ди Лин улыбнулся: "Да, пока да. Завтра будет еще. Терпение, брат. В прошлый раз мне показалось, ты вот-вот сорвешься. Я слышал, как твои суставы трещат за километр".

Стерлинг рассмеялся: "Серьезно? Наверное, я тогда выглядел очень страшно. Те старейшины из провинции Лок буквально дрожали. Но если честно, они действовали мне на нервы, когда начали допрашивать меня обо всех мелких деталях, записанных в бухгалтерской книге материально-технического отдела. Помню, один спросил меня: "Послушайте, здесь сказано, что в сентябре материально-технический отдел поставил центральной армии пятьдесят тысяч пучков стрел. Где они сейчас?" Я ответил ему: "Мы использовали их для стрельбы по мятежникам". А он спросил меня с каменным лицом: "Когда, где и в кого вы стреляли? Как их звали? Куда попали стрелы? Были ли медицинские отчеты? Нет? У вас нет никаких доказательств. Как вы можете доказать, что вы не украли их для своей выгоды?"

Вот тогда я и начал кричать в ответ: "Как я могу спросить этих мертвых мятежников, как их зовут? Какой смысл красть пятьдесят тысяч пучков стрел? Я даже не могу использовать их как дрова".

Ди Лин рассмеялся: "Больше терпения. Разве ты не слышал? Есть способ определить, когда на свет появился гений: все идиоты объединяются и нападают на него. На самом деле они ничего против вас лично не имеют. Просто так бывает, когда вы – чемпион партии, выступающей за войну. Партия, выступающая за мир, хочет навредить партии, выступающей за войну, через вас, и вы позволяете им победить, выходя из себя".

Стерлинг немного успокоился: «Я понял, но чего хочет совет? Войны или мира? Мне все равно, но им стоит принять решение как можно скорее! Сотни тысяч солдат ждут их решения. Только ежедневные расходы обходятся почти в сто миллионов!»

Ди Линь покачал головой: «Как ты знаешь, Совет всегда был разделен на два враждующих лагеря: фракцию Дальнего Востока и фракцию Центрального региона. Обычно дворяне из фракции Дальнего Востока составляют большинство, но многие из них погибли в недавнем восстании на Дальнем Востоке. Большая часть их территории и богатств исчезла вместе с ними, что сильно повлияло на их положение в совете. В результате многие дворяне из центрального региона пытались занять вакантные должности в совете в надежде получить большинство. Естественно, фракция Дальнего Востока оказывает сопротивление, и вот у нас патовая ситуация! Вся ситуация вокруг войны или мира — по сути, битва за контроль между этими двумя фракциями!» То, о чем умолчал Ди Линь, — это то, что это была также важная битва между ним и Ло Мин Хаем.

Стирлинг, похоже, понял, и спросил: «А почему они просто не устроят голосование? Они узнали бы ответ в течение дня!»

Ди Линь улыбнулся: «Политическая война ничем не отличается от настоящей битвы. И там, и там требуются тактика и стратегия. Устроить голосование — это все равно что вступить в смертельную схватку! Представь, что ты находишься в ситуации, когда столкнулся с не менее могущественным противником: ты развернешь всю свою армию для полномасштабной битвы?»

Стирлинг покачал головой: «Нет. Я подожду, пока либо противник не проявит свою слабость, либо не придет мое подкрепление. Тем временем я буду посылать отряды для отвлечения внимания противника, а потом ударю его во фланг. Как только я убежусь, что у меня есть абсолютное преимущество, вот тогда я разверну большую часть своей армии для решающей битвы».

Ди Линь кивнул: «Здесь то же самое. Обе фракции стараются избежать лобового столкновения, они обе ждут подкрепления. А тем временем они пытаются перетянуть на свою сторону старейшин, которые еще не выбрали свою сторону, или подкупить старейшин из противоборствующей фракции, как раз так, как ты бы использовал слабость противника. Все это расследование в твоём отношении — по сути, их способ атаковать во фланг фракцию, выступающую за войну. Как только одна из сторон убедится в том, что у нее есть абсолютное большинство, тогда она и устроит голосование».

Стирлинг наконец-то все понял и сокрушенно произнес: «Сотни тысяч жизней, миллиарды на военные расходы, кто бы мог подумать, что все произошло из-за такой мелочи!» Было еще что-то, чего Стирлинг не сказал: «Неудивительно, что, несмотря на то что у нас самая могущественная армия континента, несколько поколений храбрых и мудрых Директоров и бесчисленное множество талантливых генералов, мы не можем победить Дом Лю Фэн на западе, не можем оттеснить Демонов на востоке. Территория Дома Зы Чуан не изменилась со времен третьего Директора».

Он посмотрел на Ди Линя: «Брат, у меня к тебе еще один вопрос, но я не уверен...» Он замаялся.

Ди Линь остановился и повернулся к нему. Они с минуту смотрели друг другу в глаза. Взгляд Ди Линя был кристально ясным: «Ты хочешь спросить меня, почему я выступаю за войну? Я похож на тех старейшин? У меня тоже есть какие-то скрытые мотивы?»

Стирлинг честно признался: «Да». А затем возразил: «Но ведь это ты сам сказал, я ничего не говорил о каких-то скрытых мотивах!»

Ди Линь засмеялся: «Даже со своим родным братом ты не можешь быть честным. Это меня огорчает».

Его тон снова стал серьезным: «Я призываю к войне, потому что мятежники неискренни. Они говорят, что хотят мира, что все прощено, но прямо не отвечают на важные вопросы. Например, мы потребовали, чтобы они выдали предателя Лэй Хона, но они твердят, что не знают, где он; мы сказали им прекратить беспокоить нашу линию снабжения, а они ответили, что это не их проблема, и что союзная армия всех рас не несет ответственности за проступки бандитов, что явная ложь, ведь большинство бандитов были частью Мятежной армии, прежде чем стали бандитами».

"Когда мы спросили: 'Разве наши армии занимают свои позиции, разве Мятежная армия не

должна проявить добрую волю и оставаться на месте?', они отговорились тем, что их солдатам нужно вернуться домой на уборку урожая... Я почти уверен, что как только они распустят армию и отправят солдат по домам во все деревни Дальнего Востока, пока мы здесь сидим как идиоты, они начнут вербовать и мобилизовать больше людей, чтобы снова воевать с нами в следующем году".

"Они также говорили, что хотят создать мирный рай на Дальнем Востоке для людей и нелюдей, но никто не понимает как. Кто будет во главе? Признают ли они авторитет Дома ЗиЧуань? Принадлежат ли они еще Дому ЗиЧуань? Они не дают нам ответов ни на один из этих вопросов, и потому я не считаю их искренними".

"Другими словами, цель мятежников на мирных переговорах очевидна: они знают, что приближается зима, реки на Дальнем Востоке, скорее всего, замерзнут; рыть траншеи станет намного сложнее. Их армия бесполезна, когда они на виду. Неважно, сколько у них людей, они не равны нашим копейщикам. Их цель — выиграть время, дожидаться весны, когда дожди размоют землю. Тогда наша тяжелая конница перестанет быть непревзойденной. Наши копыта застрянут в грязи, а мы будем как ягнята на заклании".

"Против таких воинственных рас, как их, где каждый может в мгновение стать солдатом, даже убийство нескольких сотен тысяч не остановит их. Если они захотят, они легко соберут втрое больше. После мирных переговоров мы только ослабнем. Когда они в следующем году снова на нас нападут с еще большей армией и осадят Форт Уоррен. Как мы их остановим?"

Слова вызвали у Стирлинга дрожь, он спросил: "Так что это первая причина, какая вторая?"

Ди Лин надменно продолжил: "Измена — худшее из преступлений! Их нельзя прощать! Да, феодалы Дальнего Востока, возможно, были слишком жестоки; они, возможно, были слишком жадными, но мы должны дать всем знать: неважно, какая причина или повод, восстание против Дома ЗиЧуань означает только одно — смерть! Если мы сегодня пощадим мятежников Дальнего Востока, завтра мы столкнемся со вторым, третьим и сотым восстанием Дальнего Востока, и вскоре Дом ЗиЧуань рухнет, как Империя Света столетия назад!"

Стирлинг покачал головой: "На Дальнем Востоке десятки миллионов человек, убить их всех невозможно".

"Невозможно. В итоге нам придется пощадить некоторых из них, но это случится после победы. Как победители, мы можем проявить милосердие. Мы можем показать им доброту и милость Дома ЗиЧуань, и это не запятнает честь Дома. Однако, если мы поторопимся договориться о мире в сложившейся ситуации, ни о чем подобном можно забыть. Нас будут считать посмешищем. Весь мир узнает, как мы слабы. Мы только навлечем на себя еще большую беду!"

"Стирлинг, у тебя есть власть. Старейшины тебя уважают. Твои слова весомы. Когда придет время, ты должен быть на моей стороне. Речь идет о будущем Дома ЗиЧуань! Политика умиротворения Ло Мин Хая не работает".

Стерлинг уже решил остаться нейтральным, но после того, как он услышал искреннюю мольбу Ди Линя и его хорошо продуманное рассуждение, он уже не был в этом уверен. Он немного подумал и наконец сказал: "Ладно. Если мне придется выбирать сторону, я буду на твоей стороне".

Его обещание было не особо впечатляющим, но для Ди Линя этого было достаточно. Он знал характер Стерлинга. Если он что-то обещает, он никогда этого не нарушит, и это было лучшее, что он мог сделать в настоящий момент, что было на руку Ди Линю.

Пока они разговаривали, они подошли к перекрестку.

Ди Линь почувствовал себя спокойно, остановился и спросил: "Что насчет этого? Хочешь навестить свою золовку? Она все спрашивала меня о тебе и Сю, как вы поживаете на Дальнем Востоке? Итак, ты голоден? Хочешь попробовать ее стряпню?"

В любой другой день Стерлинг бы воспользовался этой возможностью, но сегодня он любезно отказался: "Быть может, в другой раз. У меня назначена встреча".

Даже Ди Линь был удивлен, когда Стерлинг отклонил его приглашение. Он осмотрел его с ног до головы, а затем рассмеялся: "Ясно. Когда луна взошла на ивы, двое влюбленных встретились после желтого заката.[1] Мне было интересно, почему у тебя все время такая улыбка на лице. Теперь я понял: весна в воздухе, а отсутствие заставляет сердце любить сильнее. Должно быть, я мешаю!"

Щеки Стерлинга покраснели, но он все еще пытался отрицать: "О чем ты говоришь. Ничего подобного".

"Хорошо, не буду допытываться, но..." Ди Линь подошел ближе с очень серьезным выражением лица: "Как старший брат, я обязан тебя предупредить".

"О? Что?"

"Будь осторожен с физическим трудом, не перетруждайся, иначе это может стать проблемой, если ты будешь слишком уставшим, чтобы сесть на лошадь, когда тебе прикажут вернуться на Дальний Восток!" Ди Линь произносил каждое слово с хмурым выражением лица, как будто он действительно волновался.

Прошло некоторое время, прежде чем Стерлинг понял, что он имел в виду. К тому времени, когда он побежал за ним с кулаками, Ди Линя уже давно не было, и он оставил после себя только одну короткую фразу: "Когда у тебя будет время, приходи ко мне с Ли Цин и поужинай с твоей золовкой. Мы семья, тебе нечего стесняться".

Наблюдая, как силуэт Ди Линя медленно исчезает вдаль, Стерлинг почувствовал, как на него

навалилось темное облако забот: "Ли Цин! Точно, я почти забыл. У меня все еще есть добродетельный жених дома. Что мне делать?!".

.....

Вскоре Стерлинг прибыл в обещанную беседку в парке. Увидев изящный силуэт Ка Дан, все его заботы и грусть мгновенно рассеялись. Чтобы избежать ненужного внимания, Ка Дан надела шарф и вуаль. В начале зимы ее внешний вид не казался слишком неуместным. Стерлинг подошел к ней сзади, крепко обняв ее за плечи.

Ка Дан вздрогнула от внезапного прикосновения. Увидев, что это Стерлинг, она положила руку ему на грудь и сказала: "Ты меня напугал". Ее испуг быстро сменился улыбкой, улыбкой, от которой у него замерло сердце. Как раз в тот момент, когда он собирался поцеловать ее прекрасные губы...

"Внимание, следующее содержание содержит сцены сексуального характера. Родительский контроль рекомендуется для зрителей моложе восемнадцати лет".

Голос Ци Чуань Нин раздался сзади. Она сидела на деревянных перилах беседки, лениво болтая ногами, вытянув шею и наблюдая за тем, как пара становится ближе. Она лениво крикнула: "Пожалуйста, продолжайте, делайте вид, что меня здесь нет". Стерлинг был полностью сосредоточен на Ка Дан; каким-то образом он вообще не заметил ее там.

Стерлинг был сильно разочарован. Он отпустил Ка Дан и вопросительно посмотрел на нее: "Зачем ты привела этого негодяя?".

Щеки Ка Дан покраснели от смущения, и она прошептала: "Я не знала дороги".

Стерлинг с досадой вздохнул. Единственной причиной, по которой они с Ка Дан договорились встретиться поболтать, было желание избежать общества Ци Чуань Нин. Ее раздражающая натура полностью передалась ей от Цзычуань Сю. В конце концов, он так и не смог от нее избавиться.

"Извини. Я опоздал. Не пришлось ли тебе долго ждать?" - Стерлинг крепко сжал холодные руки Ка Дан у груди, обеспокоенно спрашивая.

Ка Дан слегка покачала головой: "Недолго".

"Врешь!" - сердито перебил Чжичуань Нин: "Он опоздал больше, чем на час! Я насчитала, что меня в среднем кусает комар каждые десять минут. Посмотри, один, два... их всего восемь!"

Стерлинг не потрудился взглянуть и продолжил спрашивать: "Ты голодна?"

Ка Дан снова покачала головой: "Нет".

"Я голодна!" - торопливо добавила Чжичуань Нин, но оба проигнорировали ее.

Стерлинг спросил: "Ты хочешь пить?"

Ка Дан по привычке покачала головой, а затем наконец кивнула: "Совсем немного".

Естественно, Чжичуань Нин не хотела оставаться в стороне: "И я хочу пить".

Стерлинг изобразил улыбку, достойную старейшины из Совета: "А что вы, леди Нин? Вы хотите пить? Возьмите мои деньги и купите себе что-нибудь хорошее!"

Стерлинг схватил купюру стоимостью в тысячу и сказал: "Вот, оставьте сдачу себе!"

Чжичуань Нин: "Но напиток, который я хочу, очень дорогой!"

Стерлинг добавил еще тысячу: "Хорошо, вот. Не беспокойтесь об этом!"

Чжичуань Нин: "Я слышала, что его делают из чего-то очень особенного!"

Стерлинг добавил еще тысячу.

Чжичуань Нин: "А как насчет денег на салфетки?!"

Стерлинг снова потянулся к своему кошельку.

"Как я должна буду одна возвращаться домой?"

Стерлинг хотел заплатить, но его кошелек уже был пуст. Он вздохнул: "Нин, чего ты хочешь? Есть предел тому, сколько ты можешь вымогать, понятно?"

На лице Чжичуань Нин появилась милая и любящая улыбка: "Не будь таким! Я просто не хочу, чтобы ты совершил ошибку, вот и все. Ты же знаешь, каковы молодые пары. Помни, не срывай запретный плод, пока он не созреет!"

Стерлинг тихо пробормотал: "Но я уже это сделал, так чего еще ты хочешь?"

Щеки Ка Дан приобрели лиловый оттенок, когда она сильно пнула его под столом.

Чжичуань Нин удивленно произнесла: "Что?!"

Стерлинг мгновенно исправился: "Я имею в виду, конечно, нет. Тебе не о чем беспокоиться!"

Видя, что он не может избавиться от негодайки обычными средствами, Стерлинг показал свой козырь: "Кстати, кто-то попросил меня передать тебе сообщение с Дальнего Востока. Подождите, не волнуйтесь пока. Что еще он сказал? Кажется, это было что-то важное. Черт, моя память последнее время подводит меня. Кажется, я не могу вспомнить. Как жаль, но не бойтесь, если я смогу побыть немного в одиночестве, я уверен, что снова начну вспоминать".

...

Ка Дан смеялась так, что едва могла стоять прямо: "Это было так подло. Как ты придумал такое?! В тот момент, когда ты упомянул сэра Чжичуань Сю, она мгновенно растаяла! Но неужели сэр Сю действительно просил тебя передать это сообщение?"

Стерлинг вспомнил день, когда он говорил с Чжичуань Сю на Дальнем Востоке, и действительно спросил его, хочет ли он что-нибудь сказать леди Нин. Чжичуань Сю долго

молчал, прежде чем ответил: "Если она спросит об этом, скажи ей, что ты никогда меня не видел".

Что произошло между ними, подумал он. Стерлинг покачал головой: "Нет. Я его совсем не видел, но не говори этого леди Нин. Иначе этот трюк больше не сработает. Итак, что-то произошло между ними?"

Ка Дан посмотрела на него, ее выражение лица было нечитаемым. Стерлинг с любопытством спросил: "Я что-то не так сказал?"

"Стерлинг, ты только что солгал! Если бы ты не видел сэра Сю, то не заметил бы странности между ними и не задал бы этот вопрос. Возможно, ты его видел, и он попросил тебя никому не говорить, что видел?"

Стерлинг был в шоке. Он никогда не ожидал, что Ка Дан раскроет его ложь из-за одной маленькой оплошности и сама выяснит правду. Из всех людей, которых он встречал, что касается скорости реакции и критического мышления, Ди Лин всегда был номером один. Но теперь, возможно, даже он не мог сравниться с Принцессой Демонов - Ка Дан!

Ему в голову пришла мысль: "К счастью, нам удалось захватить ее. Если она все еще с демонами и выполняет важные задания, она запросто может стать еще более могущественным врагом, чем Люй Фэншуан! Если все командиры демонов настолько умны, как она, Восточной армии придется несладко. Не важно что, мы не можем отдать ее обратно демонам".

Внезапно он осознал, насколько глупо звучат его мысли: "Кадань любит его; она никогда не станет его врагом".

Видя неуверенный взгляд на лице Стерлинга, она поспешно добавила: "Прости. Я не должна была обвинять тебя. Ты злишься на меня?"

Стерлинг тяжело вздохнул, выветривая все ненужные мысли из своей головы. Он улыбнулся: "Нет. Я не сказал тебе правды. Я ошибался". Он рассказал ей всю историю, но напомнил ей: "Ничего не говори госпоже Нин!"

"Как бы то ни было, можем мы перестать говорить о них? Давай поговорим о нас. Кадань, ты столько времени живешь с нами, привыкаешь ли ты жить здесь? Как ты себя чувствуешь?"

Кадань замялась: "Я не знаю, как это сказать. Когда я сюда попала, я своим глазам не поверила. Все настолько чудесно! Погода ни слишком холодная, ни слишком жаркая. Изобилие ресурсов, которые делают жизнь настолько комфортной".

Стерлинг спросил из любопытства: "Правда? Каково там?" Он тут же пожалел, что спросил об этом.

Как и ожидалось, Кадань лишь покачала головой, не сказав ни слова. "Стерлинг, ты не поймешь. По сравнению с нами, люди живут в раю. Природа у нас — жестокая хозяйка. Наши земли бесплодны; везде пустыни. Наша погода сурова: утром невыносимо жарко, а вечером

невыносимо холодно. Стихийные бедствия для нас обычное явление. Землетрясения, тайфуны, метели, песчаные бури и даже град могут уничтожить урожай за год, который мы так упорно защищали, обрушивая на регион голод. Стирлинг, даже если я расскажу тебе, ты все равно не поймешь. Смерть для нас так же обыденна, как воздух, который мы вдыхаем, небо и земля, которые мы видим. Она повсюду и всегда. Моя земля — место печали. Смерть является частью нашей повседневной жизни. Стирлинг, если бы ты знал, каково это, ты бы понял, почему мы снова и снова вторгаемся на Запад. Мы делаем это не потому, что война в нашей природе; мы делаем это только потому, что единственный способ выживания нашего народа — взять пищу и плодородные почвы у людей! Люди так удачливы! Почему им не нужно кровоточить или умирать, чтобы иметь такую приятную погоду, ясное небо и цветы в полном цвету? А я, которая скоро буду жить как человек, смогу разделить все это со своим любимым. Почему я не могу забыть тьму в небе, бескрайнюю пустыню и своего отца? Мое сердце болит! Мой дом..."

Слезы навернулись на глаза Кадани. Стирлинг ощутил ее боль и попытался успокоить ее: "Не волнуйся. Как только мы усмирим Дальний Восток, я отвезу тебя домой, чтобы ты повидалась со своей семьей".

"Но тогда я больше не смогу тебя увидеть. Мне будет еще печальнее".

Стирлинг улыбнулся: "Почему же? Разве мы не обещали никогда не расставаться? Я поеду с тобой".

Кадань широко раскрыла глаза: "Невозможно. Мой отец и братья убьют тебя! Они всегда говорят, что благородные и люди не могут существовать вместе!"

Это его поразило: он чуть не забыл, что отец его любимой был непобедимым королем демонов-богов!

Кадань успокоила его: "Кроме того, прошло столько времени с тех пор, как меня захватили. Моя семья, вероятно, думает, что я уже мертва. Давай оставим все как есть. Им будет грустно, но печаль со временем пройдет. Я тоже привыкла к жизни здесь".

Стерлинг был глубоко тронут. Девушка, стоящая перед ним, была готова отказаться от своего величественного положения принцессы, отказаться от своей семьи и своего дома, чтобы быть с ним. Где еще он мог найти более истинную любовь? Своим нежным голосом он сказал ей: «Не волнуйся. В этой жизни я твой. Я клянусь всегда любить и чтить тебя все дни моей жизни! Если я нарушу мою клятву, пусть меня пронзят тысячей стрел в сердце!»

Ка Дан поспешно прижала палец к его губам, не давая ему говорить дальше. Их глаза были наполнены радостью, а их руки были переплетены, делясь теплом друг друга. Однако на лице Ка Дан появилось легкое беспокойство. Стерлинг сразу же спросил: «Что-то не так? Ты не рада?»

«Нет. Я просто подумала, я — принцесса демонов, а ты — высокопоставленный офицер Дома Цзычуань. Если ты женишься на мне, это может повлиять на твое будущее...»

Стерлинг улыбнулся: «Я не думаю, что это будет проблемой. Глава Дома всегда был добр ко

мне. Я уверен, что он разрешит, если я попрошу его».

«А что, если нет?»

«Тогда я уйду в отставку», — без колебаний ответил Стерлинг; его голос был недвусмысленно ясен.

«У меня немного денег, но за все эти годы я накопила достаточно, чтобы открыть где-то пекарню. И я буду главным пекарем... Кажется, я тебе не говорила. Я очень хорошо пеку! А ты можешь быть хозяйкой, обслуживая клиентов. Так как ты такая красивая, я уверен, что у нас будет много клиентов...» Стерлинг посмотрел на нее, говоря с легким сожалением в голосе: «Просто ты заслуживаешь лучшего».

Ка Дан нежно поцеловала его, прошептав, залившись краской: «Что ты говоришь? Я совсем не красивая, и я очень неуклюжая, надеюсь, я не отпугну клиентов».

«Мирная жизнь без насилия, интриг и забот, тебе это понравится?»

Ка Дан приняла серьезный вид: «Позволь мне подумать... Хм, а что, если мы позже начнем нанимать симпатичных официанток? Будешь ли ты заигрывать с ними, пекарь Стерлинг?»

Подняв подбородок, Стерлинг притворился, что серьезно обдумывает этот вопрос: «Позволь и мне об этом подумать... О какой красоте ты говоришь, хозяйка пекарни Ка Дан?»

«Ты покойник! Лучше тебе не попасться мне!»

«Ха-ха-ха...»

Влюбленная пара погрузилась в нежность друг друга. Они так и не заметили пару мрачных глаз, наблюдавших за ними из-за кустов вдалеке.

.....

Читая доклад разведчика, Ло Мин Хай ударил кулаком по столу, приказывая: «Мне все равно, что вы сделаете или сколько это будет стоить, я хочу знать все, что нужно знать об этой девушке!»

На следующий день на стол Ло Мин Хая лег доклад, содержащий сведения о рождении Ка Дан, ее происхождении и ее связи со Стерлингом. Ло Мин Хай холодно спросил: «Эта информация точная?»

«Да, сэр. Мы подкупили одного из слуг Цзычуань Нина. Это стоило нам двести тысяч, но я уверен, что он не будет нам лгать».

На лице Ло Мин Хая появилась еще одна зловещая улыбка: «Это стоит каждой копейки! Я собираюсь сейчас же навестить Главу Дома».

.....

После обычного ежедневного отчета о работе Ло Мин Хай небрежно упомянул новости Цзычуань Шэнь Синю: «Сэр, вчера вечером, когда я совершал свою обычную прогулку по саду. Я случайно встретил командира Стерлинга и его спутницу. Они испытывают друг к другу сильную привязанность!»

Цзычуань Шэнь Син улыбнулся: «Сколько времени прошло с тех пор, как Стерлинг последний раз видел Ли Цин? Думаю, уже пора им быть вместе! Хо-хо, хорошо быть молодым. Иногда он заставляет старика вроде меня завидовать!»

«Но», — добавил Ло Мин Хай, — «я не думаю, что это была знаменщица Ли Цин!»

«О?» Цзычуань Шэнь Син показалось это более интересным: «Кто это был?»

«Я не уверен, сэр. Хотите, чтобы я узнал?»

Цзычуань Шэнь Син некоторое время размышлял, а затем медленно произнес: «Очень хорошо, не помешает знать». Хотя он звучал незаинтересованно, они оба знали, что он принял решение не так уж легкомысленно.

.....

За неполные два часа Ло Мин Хай «завершил» свое расследование. ЗиЧуань Шэнь Син молча выслушал его доклад и спокойно ответил: «Ясно. Не думаю, что это так важно, но лучше нам оставить это при себе. Хотел ли ты еще что-то сказать?»

Ло Мин Хай выглядел разочарованным. Он не ожидал, что ЗиЧуань Шэнь Син отнесется так несерьезно к столь важному открытию. Он не знал, что в тот момент, когда он ушел, ЗиЧуань Шэнь Син сразу же приказал своему слуге: «Скажи командиру Ли Цину прийти и немедленно увидаться со мной».

После часового разговора с Ли Цинем лицо ЗиЧуань Шэнь Сина стало холодным, как лед, но голос оставался таким же мягким и добрым: «Почему бы тебе не спросить, есть ли сегодня вечером время у командира Стирлинга, желает ли он пообедать со стариком вроде меня?»

[1] Часть стихотворения Оу Яна Сю «Фестиваль фонарей».

<http://tl.rulate.ru/book/20301/3922127>